

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА VS ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы
XXIII Международной научной
конференции

Москва, 27–29 января 2011 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
Историко-архивный институт
Кафедра источниковедения
и вспомогательных исторических дисциплин

К 70-летию со дня рождения
Виктора Александровича Муравьева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА VS
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ

Материалы XIII Международной научной конференции

Москва, 27-29 января 2011 г.

Москва 2011

УДК 930
ББК 63.2
И 90

Редакционная коллегия:

Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, Е.В. Пчелов,
Д.Н. Рамазанова, М.Ф. Румянцева (ответственный редактор),
О.В. Семерицкая (ответственный секретарь), О.И. Хоруженко,
Ю.Э. Шустова

И 90 **Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве** : материалы XXIII междунар. науч. конф. Москва, 27–29 янв. 2011 г. / редкол. : М.Ф. Румянцева (отв. ред.) и др. ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ист.-арх. ин-т, Каф. источниковедения и вспомогат. ист. дисциплин. — М. : РГГУ, 2011. — 498 с.

Издается к 70-летию со дня рождения профессора и заведующего кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института (МГИАИ — РГГУ) В.А. Муравьева (1941–2009). В докладах и тезисах анализируются основные результаты и новые исследовательские направления исторической географии как одной из исторических наук и дисциплин преподавания. Формулируется место исторической географии в современном гуманитарном знании.

Для специалистов в области гуманитарного знания, теории и методологии истории, истории и исторических наук, исторической географии, вспомогательных исторических дисциплин.

УДК 930
ББК 63.2

Материалы публикуются в авторской редакции

- © Редакционная коллегия, составление, 2011
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2011

Содержание

От редколлегии	14
Пленарные доклады	
Коновалова И.Г. (Москва) Историческая география в исследовательском поле исторической науки	22
Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. (Москва) Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания.....	31
Дурновцев В.И. (Москва) На путях к экологической истории России (историографические наблюдения)	45
Журба О.И. (Днепропетровск, Украина) Проблемы историографического районирования в презентациях истории украинского историописания	59
Мельникова Е.А. (Москва) Пространство в культуре средневековой Европы: структура и особенности восприятия	70
Ермолаев И.П. (Казань) Естественно-исторические условия Восточной Европы и их влияние на историю славянских народов.....	72
Симонов Р.А. (Москва) Геометрия социальных пространств и система земельного налогообложения в России XVI века.....	93
Швейковская Е.Н. (Москва) Пространственный микромир деревни: Север, XVII в.	104
Пчелов Е.В. (Москва) Стороны света в титульной репрезентации власти русских государей	110

среди географов нет общепринятого определения предмета исторической географии. Можно сказать, что историческая география сегодня понимается прежде всего как метод, позволяющий исследовать пространственно-историческую составляющую практически любого социокультурного процесса.

Совершенно очевидно, что при разработке проблем исторической географии всегда будет существовать некое разумное разделение труда между историками и географами уже хотя бы потому, что большинство географов, занимающихся исторической географией, ориентированы на связь своих исследований с современными проблемами и далеко в глубь хронологии идут сравнительно редко. Кроме того, географы, как правило, сами не работают с историческими источниками, в особенности с древними и средневековыми, поскольку извлечение из них информации требует специальных знаний, умений и навыков, а либо опираются на исследования историков в соответствующей области, либо включаются в совместные проекты (см., например, отчет о сотрудничестве античников, географов, археологов и IT-специалистов по изучению пространственных данных в «Истории» Геродота: Mapping an ancient historian in a digital age: the Herodotus Encoded Space-Text-Image Archive (HESTIA) / Barker E., Bouzarovski S., Pelling C., Isaksen L. // Leeds International Classical Studies. 2010. Vol. 9.1: http://oro.open.ac.uk/20528/1/hestia_lics2010.pdf). Поэтому всяческое развитие исторической географии как специфической источниковедческой практики (т.е. в качестве вспомогательной дисциплины) продолжает оставаться и важной задачей исторической науки, и ее безусловной вотчиной.

Вместе с тем, статус исторической географии как вспомогательной дисциплины не отражает потребности исторической географии как отрасли знания. И в этом смысле опубликованный одиннадцать лет назад московскими географами документ под названием «Декларация независимости исторической географии» (Вестник исторической географии. Смоленск, 1999. Вып. 1. С. 157–158), в котором история и география были объявлены вспомогательными по отношению к исторической географии отраслями знания, не выглядит уж столь экстравагантным.

Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Гумянцева (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОТ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ К МЕТОДУ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Историческая география как отрасль исторического знания более-менее постоянно привлекала внимание историков. Но на протяжении своего существования она переживала несколько периодов актуализации, что всегда было связано как со сменой парадигм, так и с обусловленной этой сменой трансформацией проблемных полей. Во второй половине XIX — начале XX в. перед исторической географией стояла цель рассмотрения территориальных изменений государств и политических образований во времени и географическом пространстве (Freeman E.A. The Historical Geography of Europe. L., 1881-1882. Vol. 1-2), ее предметом называли территорию, «которую занимал... народ в разное время» (Любовский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс, читанный в Московском университете в 1908-9 акад. г. М., 1909. С. 3), формулировали задачи «определять границы... государства в разные эпохи его существования, а также границы составных частей государства» (Историческая география: Лекции, читанные проф. С.М. Середониним в Императорском Петроградском Археологическом Институте. Пг., 1916. С. 1). Все это было связано с тем, что в классической европейской историографии нация играла роль главного субъекта истории.

Сама историческая география с момента зарождения европейской исторической науки состояла в разряде «помощницы», «особенной науки» (как назвал ее в XVIII в. академик Г.Ф. Миллер: Миллер Г.Ф. Предисловие // Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства. М., 1773. С. II). Еще в середине XX в. исследователи полагали, что историческая география должна *помочь* историку в локализации изучаемого исторического события, в объяснении систем аграрных отношений, переселения народов, происхождения и роста городов, формирования средств и путей сообщения и т. д. (Woodbridge S.W., Gordon East W. The Spirit and Purpose of Geography. L., 1951. P. 80). В последнее время, как заметил

В.А. Муравьев, историческая география эволюционирует «через дисциплину с богатым самостоятельным содержанием к методу (в самом широком смысле) гуманитарного познания» (Муравьев В.А. Историческая география как научная дисциплина: Лекция — в печати). А в лекции «Историческая география как научная дисциплина», прочитанной студентам Южного федерального университета в 2008 г., один из тезисов В.А. Муравьев сформулировал так: «Историческая география в современном ее понимании, когда она переросла рамки вспомогательной дисциплины истории — это наука, изучающая не планету, а культуру в ее пространственно-временных структурах. Наука, изучающая пространственные структуры и соотношения того мира, которого уже нет» (Здесь и далее цит. по черновым материалам В.А. Муравьева к лекционному курсу по исторической географии, хранящимся на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ).

Преобразование исторической географии в особый метод во многом связано с изменением пространственно-временных представлений, которые складывались в модернистском мироощущении и классическом европейском научном знании, реализованном, главным образом, в исторических нарративах, в том числе как национально-государственного, так и глобального уровней. Кризис современности / модерности заставил актуализировать проблему регионального разнообразия. В рамках новой локальной истории начал анализ процесса одновременного объединения мира глобальными системами и его расщепления на этно-региональные составляющие. В частности, Брюс М. Кнауфт отмечает, что процесс установления «современности» (модерности) проходил альтернативными путями и имел «региональный», «множественный», или вообще «другой» характер. Этот процесс не был однообразным и в локальном, и в культурном масштабах, он состоит из «микросовременностей» (micromodernities). Усиливающаяся глобализация сопровождается усилением локализации. Это, в свою очередь, увеличивает этнографическую зависимость «современности» и ставит на повестку дня вопрос возможности некультурного релятивизма, который можно изучать не по «единой модели», а в рамках локальной истории (Knauff B.M. Critically Modern: An Introduction // Critically Modern: Alternatives, Alterities, Anthropologies.

Bloomington, 2002. P. 1-29). В последнее время исследователи для определения региональных или локальных особенностей современности используют понятия «альтернативные модерности», «параллельные модерности», «низшие модерности», «другие модерности», «множественные модерности», «наша модерность» и т. д. (Knauff B.M. Three Trials of the Oxymodern Public Practice at Nomad Station // Critically Modern... P. 105).

Гуманитаристика (в том числе историческая наука) все больше внимания уделяет пространству в истории. Для понимания этих трансформаций необходимо учесть ряд обстоятельств, оказавших влияние на актуализацию проблемы пространства. Это, в первую очередь, влияние социокультурной ситуации после постмодерна, критика современными гуманитариями «модерности» и «культурный поворот» в историографии, а также влияние на последнюю постпозитивистской географии (культурной географии) и, конечно, интенсивные поиски актуального предмета исторического познания и субъекта исторического действия, проводимые самими исследователями, в том числе, в проблемных полях новой локальной истории.

С конца XX в., при смене парадигмы гуманитарного знания, стали меняться научные приоритеты. Концепты «место», «пространство», «пейзаж» стали вызывать в гуманитаристике больший интерес, чем изучение событий как таковых. Там, где историки и антропологи изучали некогда индивидуальных акторов исторического процесса или изолированные друг от друга государственные территории, теперь наблюдается стремление исследовать их пространственные структуры, помещенные в контекст глобальных систем (Gregory D. Foreword // Jackson Peter. Maps of Meaning: An Introduction to Cultural Geography. N.Y., 1994. P. XI). В.А. Муравьев в лекциях курса «Историческая география», читанного студентам Историко-архивного института резюмировал: «Историческое пространство связано с историческим явлением, событием, фактом не только тем, что последние происходят на определенной территории, но и тем, что фактор пространства может их ограничивать или усиливать, усложнять, упрощать, деформировать, гасить. В уникальных переплетениях пространственных структур (наряду с другими причинами) незначительное, казалось бы, локальное событие может приобретать огромные масштабы или,

напротив, событие, казалось бы, способное обрести такие масштабы, в действительности быстро затухает, не оказав заметного воздействия на свою современность. Примерами и того, и другого рода богата история религиозных и социальных движений, мятежей, революций, войн, судеб научных открытий и произведений культуры».

Историография постмодерна оказалась довольно критичной по отношению к проблеме «модерности» или «современности» (Delgado E., Romero R.J. Local Histories and Global Designs: An Interview with Walter Mignolo L. // Discourse. 2000. Vol. 22, No. 3. P. 7-33). Осмысление этой проблемы позволяет говорить о том, что наше отношение к пространственно-временным образам формировалось представлением о «современности». Именно «современность» позволила некогда сконструировать периоды истории «Средневековье» (которое иногда приписывается новейшим обществам), «Новое время» и т. д. «Современность» создала в европейском сознании пространственную оппозицию «город» — «деревня». В деревне можно было отдохнуть от городской суеты, насладиться покоем естественного, «природного» состояния. Для Н.М. Карамзина эта идиллическая картина в начале XIX в. представлялась, например, такой: «...И просвещенный земледelec, сидя после трудов и работы на мягкой зелени с нежной своею подрукою, не позавидует счастью роскошнейшего сатрапа. <...> Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пахут землю и собирают библиотеки; пахут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их» (Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Соч.: В 2 т. Л., 1984. С. 58-59). Европейскими просветителями XVIII в. сельское пространство было отнесено к ступени «варварства», а городское к «цивилизации». В результате город как объект исторического изучения стал привлекать внимание историописателей еще в XVIII в., а о сельской истории (именно сельской, а не аграрной или крестьянской) заговорили только на исходе XX в. (Румянцова М.Ф. Возможна ли «сельская история»: полемические заметки // Новая локальная история: Межвуз. науч.-образ. центр Ставропол. гос. ун-та и Рос. гос. аграр. ун-та — МСХА им. К.А. Тимирязева [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Б. м. и д. URL:

<http://www.newlocalhistory.com/node/138> (дата обращения: 16.12.2010); Маловичко С.И., Зайцева Н.Л. Сельская история в проблемном поле «новой локальной истории» // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 30-31 марта 2006 г. Омск, 2006. С. 11-15).

«Современность» колонизировала пространства, давая им названия: «Новый Свет», «Новороссия», «Новосибирск» и т. д. Она открывала эти «неупорядоченные» пространства для «просвещенного» света, приспособливая их для него и по его подобию. Городское пространство стало пространством «современным», но такое пространство является не менее воображаемым, чем «идиллия» сельского пейзажа. Любое пространство конструируется; оно не только строится по образцам (*деревня, село, поселок, город, сельский пейзаж* и т. д.), оно воображается, подводится под топос, присущий тому или иному *универсальному месту*. Таким образом, несмотря на «естественность» любого обитаемого пространства (как определенной географической среды), оно выступает культурной конструкцией, на актуализацию которого повлиял так называемый «культурный поворот».

Культурный подход предоставил возможность не только иначе посмотреть на проблемы *нации и государства* (находя в них определенные культурные конструкции), но и обратить внимание на локус, который уже не представлялся лишь *территорией*, но *обществом, окружающей средой, пространством, пейзажем* и т. д. Пространство и пейзаж не существуют помимо человеческой культуры, они изобретены человеком, который строил пространственную идентичность для определенного локуса, места проживания, отдыха и иных своих действий. Именно таким образом появлялся местный или национальный стереотип.

Постмодернизм оказал влияние на традиционную националистическую интерпретацию прошлого, которая широко практиковалась в исторической географии, концентрировавшей внимание на этнографических проблемах. Исследователи смелее обратились к междисциплинарности, установили связи с экономической, социальной и культурной историями, заинтересовались морфологией пейзажа, больше ориентируясь на письменные источники для конструирования географических

образов; манифестирован подход «новой» культурной географии (McCarthy M. Writing Ireland's Historical Geographies // Journal of Historical Geography. 2002. Vol. 28. No. 4. P. 534–553).

Проблема осмысления пространства оказалась интересной постпозитивистской географии, которая все смелее стала покидать поле естествознания и интересоваться не только социально-экономическими процессами, но искать культурно-антропологическую основу для своих исследований. Становление и быстрое изменение облика культурной географии происходило под влиянием культурной теории. По мнению Питера Джексона, исследования в этой области уже в 80-х гг. XX в. вышли за пределы антикварной фазы описания и простой интерпретации исторических сельских, городских и других территорий в пределы экспериментов с новыми идеями и подходами. Если ранее ученые с недоверием относились к теоретическим вопросам, то на рубеже 80-90-х гг. это неприятие сменилось интересом не только к социальным теориям, но и к культурным исследованиям, результатом чего надо признать возникновение «новой» культурной географии, манифестирующей идею «пейзажа». Новый подход оказался также чувствительным к идее множественности культур и разнообразия пейзажей (Jackson P. Maps of Meaning: An Introduction to Cultural Geography. N.Y., 1994. P. 1-2). Отмеченный Джексоном процесс интереса к культурной теории и заимствования исследовательского инструментария у других дисциплин социально-гуманитарного знания быстро привел не только к институционализации культурной географии, но, что самое для нас важное, уже в конце XX в. дал основание говорить о том, что культурная география превращается в собственный метод в рамках социально-гуманитарного знания (Gregory D. Foreword // Jackson P. Maps of Meaning... P. XI).

Исследователи пришли к важному (не только для них, но и для историков) выводу, что у самого знания есть оборотная сторона, которая учитывает изменения во времени и пространстве. У текстов (географических, исторических, карт и т. д.) и социокультурных контекстов существуют взаимные отношения. Регионы не могут существовать помимо сознания субъектов изучения, которые своей риторикой способны создать любое место а, в свою очередь, эти субъекты, а также транслируемое ими знание, являются продуктом определенных социальных условий и времени (Graham B. Ireland and Irishness: Place, Culture and Identity // In Search of Ireland: A Cul-

tural Geography / ed. by B. Graham. L., 1997. P. 3). В этой связи ученые обратились к изучению сложной истории попыток понимания пространственного измерения прошлого и призвали своих коллег-историков не просто знакомиться с географией, но обратиться к изучению истории социокультурных пространств (Black J. Maps and History: Constructing Images of the Past. New Haven, 1997). Представители этого направления предлагают смотреть на политическую структуру общества через организацию этим обществом своего пространства, исследовать пространственное мышление отдельных сообществ (Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004). Чуть позже Д.Н. Замятин формулировал новый статус географии как проблему: «Современная география — прежде всего ее гуманитарное и культурно-социальное «крыло» — испытывает в настоящее время серьезные концептуальные, а в какой-то мере также экзистенциальные и онтологические изменения. Перестав быть к концу XX века наукой по преимуществу позитивистского образца, география оказалась на междисциплинарном когнитивном «перекрестке», где простого заимствования методов гуманитарных и социальных наук явно недостаточно. Необходимы осознание самих условий подобного онтологического перехода и поиск определенного метауровня, на котором станут более понятны принципы, цели и задачи дальнейшего развития. Такое осознание, по-видимому, невозможно без соответствующего эмоционального и экзистенциального контекста: включенный наблюдатель и исследователь должен находиться одновременно «внутри» и «снаружи» нащупываемого методологического пространства» (Замятин Д.Н. О понятии «география» // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 1. С. 93).

Вполне понятно, что культурная география оказалась более чувствительной к изменениям в историографии, нежели классическая география, и вместе с «новой историей» ощутила кризис исторических гранд-нарративов, который, по мнению одного из теоретиков культурной географии Дениса Косгроу, повлиял на отношение исследователей к локальным историческим объектам, к случайностям в истории, заставил задуматься о теории и пересмотреть историческое объяснение, заинтересоваться устойчивостью и изменчивостью географических структур, их названиями и образами этих структур в культуре (Cosgrove D. The

Myth of Continents: A Critique of Metageography // Journal of Interdisciplinary History. 1999. Vol. 30, No. 1. P. 99). Рефлексия культурной географии об историческом характере пространства, размышления о пейзаже и исторической памяти, о ландшафте и его конструировании в сознании или на картах оказали влияние на историческую географию, которая перестала довольствоваться своим «вспомогательным» статусом в историческом знании и активизировала поиск собственных связей с гуманитарными дисциплинами, превращаясь в один из методов исторического объяснения, в первую очередь, объяснения проблем государства, имперской идеологии и пейзажа (национального и локального) и т. д. (Driver F. Cosgrove Denis: Historical Geography Unbound // Journal of Historical Geography. 2009. Vol. 35, No. 1. P. 1-2).

Культурная география повлияла на понимание того, что «регионы», «цивилизации», «культурные области» и т. п., в конечном счете, являются произвольными, а исторические атласы и карты учитывают взгляд на мир и на его отдельные области лишь незначительного числа колонизировавших огромные пространства европейских наций. Поэтому, как писал Косгроу, в изображенных и описанных пространствах можно увидеть только их корыстное собственное воображение (self-image). Европа — вот место рождения этой метагеографической системы (Cosgrove D. The Myth of Continents. P. 100-101).

Любое пространство является составной частью индивидуальной и социальной практик, которые используются людьми для преобразования природы в сферу культурного смысла и жизненного опыта, поэтому культурный ландшафт может быть визуализирован как мощное средство для выражения чувств, идей и ценностей, одновременно являясь ареной политического дискурса и практического действия, в котором культура не только постоянно воспроизводится, но (о чем не следует забывать) оспаривается. Так, Брайан Грейхем заметил, что с одной стороны, пространства (пейзажи), изображенные в литературных и научных текстах, искусстве, картах и даже на храмовых фресках являются означающими тех, кто их воспроизвел и, в этой связи, их можно рассматривать как важные тексты в контексте социальных, экономических и политических институтов, составляющих основу для согласия в любом обществе. Однако, с другой стороны, поскольку эти

тексты могут прочитываться по-разному участвующими в непрерывном преобразовании общества конкурирующими социальными субъектами, то придаваемое им значение останется предметом споров (Graham B. Ireland and Irishness... P. 4).

Историки знают, что в историческом исследовании сложно обойтись без структуры, основанной на хронологии, периодизации и, что для нас сейчас важно, — географии. Последняя традиционно ограничивает объект исследования в национальных, региональных или локальных административных единицах. «Культурный поворот» в историографии в конце XX в. позволил историкам отказаться от предпочтительного внимания не только к известным датам, но и к самой периодизации, которая, по их мнению, становилась второстепенной по отношению к территориальности. Как отмечал В.А. Муравьев, одно из свойств «исторического пространства состоит в том, что в руках историка — т. е. в сфере исторической науки — оно превращается в средство и меру исторического познания» (Муравьев В.А. Историческая география как научная дисциплина...). Исследователи стали отдавать себе отчет, что территориальность — это историческое формирование, а его политическая форма также была исторической, т. е. имела начало и конец (Maier Ch.S. Consigning the Twentieth Century to History: Alternative Narratives for the Modern Era // The American Historical Review. 2000. Vol. 105, No. 3. P. 807-809). Само прошлое состоит из регионов и этнических областей с быстро изменяющимися границами. Не обязательно, что это происходило официально и отразилось на картах континентов. Достаточно того, что «границы появлялись в сознании людей, они создавались» (Schultz H.-D., Natter W. Imagining Mitteleuropa: Conceptualisations of "Its" Space In and Outside German Geography // European Review of History. 2003. Vol. 10, No. 2. P. 273-292).

Итак, можно заметить, что влияние географии на историю в последнее время усиливалось. Это влияние было заметно еще в исследовательских практиках школы Анналов 40-50-х гг., однако в конце XX в. влияние культурной географии привело к актуализации проблем *пейзажа, ландшафта, пространства* и, в конце концов, к ситуации, которая получила название *пространственный поворот* в гуманитаристике (Livingstone D.N. The Spaces of Knowledge: Contributions Towards a Historical Geography of Science // Environment and Planning D: Society and Space. 1995. Vol. 13, No. 1. P. 5-34).

В.А. Муравьев уже замечал, что недооценка фактора пространства историками приводит к серьезным последствиям, так как «*историческое пространство* [здесь и далее курсив В.М.] целюно и непрерывно, как *время*» (Муравьев В.А. Историческая география как научная дисциплина...). Тем не менее, именно *время* было канонизировано европейской классической историографией и, не случайно в начале XXI в. историков призывают пересмотреть этот стереотип. Немецкий историк Карл Шлэгель с надеждой отметил, что с последней четверти XX в. исследователи начинают компенсировать «утерю» вытесненного временем пространства в историографии. Традиционное историописание было «историографией времени» и диагнозом такой практики историописания (основанной на структуре национально-государственного исторического нарратива), по мнению Шлэгеля, стало «исчезновение пространства» во имя торжества времени. Однако, напоминает ученый, история «происходит не только во времени (Zeit), но и в пространстве (Raum)», поэтому, актуальную историографическую ситуацию, характеризующуюся *пространственным поворотом*, он назвал *возвращением пространства* (Wiederkehr des Raumes) (Schlögell K. Im Raume Lesen wir die Zeit Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München, 2003. S. 9-15). Любопытно, что анализ историко-географических исследований советских ученых привел В.А. Муравьева к неутешительному выводу: «Пространство страны в XX веке предметом изучения исторической географии не стало — оно всецело принадлежало предмету науки географии как таковой, в особенности географии экономической: приоритет был отдан описанию расположения населения, производства и путей сообщения на территории страны и ее административного устройства».

Пространственный поворот в историографии сегодня начинают все более актуализировать и, не случайно историки заговорили даже о *пространственной теории истории* (Ethington P.J. Placing the Past: 'Groundwork' for a Spatial Theory of History // Rethinking History. 2007. Vol. 11, No. 4. P. 465-493). Становясь одним из методов современного исторического исследования, историческая география позволяет изучать генезис и развитие европейских государств-наций уже не только в проблемном поле политической истории, но и посредством культурной истории. Такой подход помогает смотреть на европейские нации через организацию ими

собственных пейзажей. Например, как отмечает Катрин Брайс, в XVIII–XIX вв. яркие пространственные представления возникают в России, Франции, Швейцарии и в других местах. Причем, если французы пытались гармонично сложить вместе культуру и природу, то русские, используя западные эстетические каноны, учили себя восхищаться своей естественной окружающей средой (Brice C. Building Nations, Transforming Landscape // Contemporary European History. 2007. Vol. 16, No. 1. P. 109-119).

Надо заметить, что историческая география, как и дисциплинарная история в целом, отдала дань микроистории, появившейся как ответ социальной истории на вызов постмодерна и кризис исторического метарассказа. Исследователи заинтересовались как микро-пространствами: кабаки, таверны, рынки, студенческие кампусы, церковные приходы и т. п. (Gumprecht B. The Campus as a Public Space in the American College Town // Journal of Historical Geography. 2007. Vol. 33, No. 1. P. 72-103), так и воображаемыми пространствами, аллегорическим и сентиментальным пейзажем и прочее (Reitinger Fr. Mapping Relationships: Allegory, Gender and the Cartographical Image in Eighteenth-Century France and England // Imago Mundi: the International Journal for the History of Cartography. 1999. Vol. 51. P. 106-130; Виртуальным и воображаемым пространствам посвящены и некоторые доклады настоящей конференции). Однако «казусная» история, востребуя историко-географическое знание, стала делать это утилитарно, используя уже имеющиеся наработки в качестве фона.

В последнее время усиливается внимание к таким традиционным объектам исследования местной истории, как город, село, локус и др. со стороны социальной и новой социальной истории, оказавшимися под влиянием кризиса метанарратива. Новая историографическая культура подорвала традиционное различие между тем, что представлялось «главным» в исторических исследованиях (национально-государственная история) и тем, что считалось «периферийным» (локальная история). Неслучайно, несколько лет назад Элис Ингольд смогла заявить проблему города вне государства-нации, заметив, что актуальная ситуация в гуманитаристике может быть обозначена как время выхода из пространственно-временной исторической модели государства-нации, поэтому возобновляется интерес к городу как месту исключительной опоры политических и социальных связей (Ingold Al. Savoirs Urbain-

set Costruction Nationale. La Ville, au Delade l'Etat-Nation? // Revue d'Histoire des Sciences Humaines. 2005. No. 12. P. 55).

Культурный поворот, может быть, и запоздало, но оказывает влияние на изучение местной истории. Например, если в 2004 г. один из номеров канадского «Urban History Review» начинался статьей Алана Гордона о городской истории в связи с новой культурной историей, и исследователь старался продемонстрировать, что может дать новое направление для изучения прошлой городской жизни (Gordon Al. Introduction; the New Cultural History and Urban History: Intersections // Urban History Review. 2004. Vol. 33, No. 2), то, анализируя изменения, произошедшие в европейской и американской историографии города к 2008 г., Луис Тилли уже пришел в выводу, что можно говорить о появлении *новой городской истории*, ориентирующейся на культурные подходы к городскому прошлому (Tilly L. The "New Urban History" Where is it Now? // City & Society. 2008. Vol. 12, No. 2. P. 95-103).

Пространственный подход к исследованию любого локуса несет в себе импульс отказа от обслуживания государственно-этнического нарратива. Погружающийся во фрагментарные, произвольные пространственно-временные ряды историк перестает быть государственным биографом, так как, он не обязательно находит консенсус с метанарративным стилем истории государственной механической сборки территорий.

Изучение пространственных образов в проблемных полях местной истории является вполне плодотворной практикой: исследователи отходят от традиционной социальной истории с функционалистичными или механистическими формами объяснения, выбирают новые методологические процедуры, видят социокультурные пространства не в традиционных границах, а наблюдают связи поперек административных, политических и культурных границ.

Российские историки при разработке теоретической базы новой локальной истории отталкивались от интеллектуальной истории, отличительной чертой которой сегодня признается *контекстуализм*, связь изучаемых идей с культурным и социальным контекстами, в которых эти идеи рождались, развивались, транслировались, видоизменялись или прерывались (см. доклад О.И. Журбы в настоящем сборнике).

Не случайно, в теоретическую основу новой локальной истории был заложен принцип широкого контекстуализма. Историографическая практика новой локальной истории покоится на рефлексии способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней (Маловичко С.И. Интеллектуальная история и разработка теоретической базы новой локальной истории в России // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе: Материалы науч. конф. 20-22 сент. 2007. М., 2007. С. 132-133). Новая локальная история находится в исследовательской области *новой социально-культурной истории*. Историко-культурный подход переносит акцент с анализа процессов на анализ структур, с линейного исторического метанарратива на локальные социокультурные пространства и их включенность в пространство глобальное, в глокальную перспективу.

Новая геополитическая и социокультурная ситуация заставляет осмыслить мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск нового – «глокального» субъекта исторического действия. Новая локальная история отказывается от традиционных территориальных/административных образцов и сосредоточивает внимание на *пространстве* и *пространственных образах*, изменяющихся во времени и не всегда совпадающих с политическими и административными границами, проявляет интерес к *образу жизни, культурному значению* и т. д.

Предмет новой локальной истории – субъект исторического действия, не тождественный государству и административным территориям, и его существование как в историческом (собственно историческое знание), так и в коэксистенциальном (социокультурная или социолого-культурологическая составляющая) пространстве (Румянцева М.Ф. От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гелынтелях» исторического разума // Запад – Россия – Кавказ: Межвуз. науч.-теор. альманах. Ставрополь; М., 2003. Вып. 2. С. 399). Отсюда следует, что *государство, нация, локальная общность* рассматриваются не как территориально-генетические «закономерности», а как изобретения и/или конструкции, в истории которых важно выявлять поддерживавшие их культурные факторы, связь социального и культурного пространства, пейзажа и идентичности.

Конституирование новой локальной истории идет не от объекта исследования (локуса), ее организация основывается на методологических процедурах. Важно подчеркнуть, что новая локальная история — это способ видеть локальные и региональные объекты. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории, новая локальная история сама определяет объект своего изучения, он не задан ей заранее территориальными рамками (Маловичко С.И., Румянцев М.Ф. Новая локальная история как проблемное поле актуального исторического знания // Историческое знание Кубани: Становление и тенденция развития (конец XVIII — начало XX в.). Краснодар, 2006. С. 73-80). Принципы и методы новой локальной истории близки, если не тождественны локалистско-интеграционному подходу, разработавшему региональную историю (новый регионализм) на Украине (Верменич Я. Парадигма «оноления» в историчній науці: новий регіоналізм // Ейдос: Альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2006. Вип. 2. С. 15; Она же. Нова локальна історія та історична регіоналістика: експлікація термінів // Регіональна історія України. Київ, 2008. Вип. 1. С. 13-29).

С началом XXI в. кардинально меняется социокультурное пространство. При переходе от постмодерна к постпостмодерну актуализировались исследования в проблемных полях новой локальной истории и интеллектуальной истории. Их сочетание дает новые импульсы и новые возможности для развития исторической географии. В проблемном поле новой локальной истории идет поиск субъекта истории, а значит и пространства идентичности, что невозможно без выявления пространственных / культурно-пространственных параметров, что, в свою очередь, создает новые возможности уже не фиксации истории в наработанных исторической географией пространственных характеристиках, а развития историко-географической проблематики в координации с новой локальной историей.

Переход к постпостмодерну спровоцировал также перенос акцента со столь популярного в XX в. в структуре исторической антропологии изучения ментальностей в проблемное поле интеллектуальной истории как осмысленного, культурообразующего отношения человека к миру, где «пространственные» / пространственно-культурные характеристики приобретают особое значение. Пространство перестает быть «фоном», на котором разворачиваются исторические «события и деяния», но органически включается в картину мира, задавая существенные параметры мироосмысления. Экстравертный тип

знания, демонстрируемый новой локальной историей, позволяет находить мультисоциальные и мультикультурные объекты исследования, использовать пространственно-временные модели, не отрицающие линейную хронологию, но выявляющие ее ограниченность.

Возвращаясь к мысли В.А. Муравьева об эволюции исторической географии «к методу (в самом широком смысле) гуманитарного познания», следует отметить не только его умение видеть развитие и современное состояние исторической географии масштабно и концептуально, но и постулировать основания всякого историко-географического исследования. Он формулировал эти мысли в своих лекциях предельно четко и ясно: «Историческая география изучается по историческим источникам». И заключал свою лекцию «Источники исторической географии России» не без оптимизма в оценке места исторической географии в пространстве современного гуманитарного знания: «И начнем все сначала... Изучение пространства ради пространства немого стоит. Историческая география потому и является исторической, что она есть география деятельности человека. Без всех других источников, доносящих культуру человека, изучение бессмысленно. Это возвращает нас к исходной мысли этой лекции — какого-то специального класса или разряда историко-географических источников не существует. Есть источники, более насыщенные информацией о пространстве — их мы и рассматривали, — и источники, где информация хозяйственного, социального, политического, культурного и любого иного характера привязана к тому или иному пространству и позволяет устанавливать гуманитарное наполнение этого пространства. О пространстве свидетельствует все, что создано человеком в этом пространстве».

В.И. Дурновцев (Москва)

НА ПУТЯХ К ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

1.

Природа исторической науки такова, что всё, доступное историческому измерению, всё так или иначе нуждающееся в собственной истории, обращающееся к истокам, к первоначальным